

А.Н. Рухлин, И.А. Чуканов

**СОЗДАНИЕ «ОБРАЗА ВРАГА» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СИМБИРСКОЙ И САМАРСКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

A.N. Rukhlin, I.A. Chukanov

**THE CREATION OF THE “ENEMY IMAGE” IN THE EARLY
PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR IN THE RUSSIAN PRESS:
ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE SIMBIRSK AND
SAMARA PERIODICALS**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования «образа врага» — немца и австрийца — во время Первой мировой войны в периодической печати Российской империи. В начале XX в. периодическая печать стала играть важную роль в обществе. Во время войны газеты, журналы и листовки превратились в основное средство формирования «образа врага» и использовались властью, в том числе, как своеобразный «предохранитель» от возможных социальных волнений и потрясений. Российские властные структуры и аффилированные с ними средства массовой информации старались как можно более нелицеприятно представить противника. В 1914–1918 гг. в российской провинции выпускалось огромное количество периодических изданий, публиковавших материалы, направленные на демонизацию и дегуманизацию противника. В настоящей статье анализируются приемы создания «образа врага» в периодической печати, раскрывается роль симбирских и самарских газет и журналов в

Рухлин Алексей Николаевич, аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова; преподаватель гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ульяновский социально-педагогический колледж

Rukhlin Alexey Nikolayevich, Postgraduate Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University Ilya Ulyanov; Teacher of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Ulyanovsk Social Pedagogical College

Ruhlenko15@mail.ru

Чуканов Иван Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова

Chukanov Ivan Albertovich, Doctor in History, Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University Ilya Ulyanov

Chia58@rambler.ru

формировании в народной среде негативного восприятия немцев (в том числе и российских). Были использованы периодические издания, выходявшие в начальный период войны — в 1914–1915 гг. Авторы показывают на конкретных примерах информационные возможности периодической печати в условиях международных потрясений. В период доминирования у широких слоев населения ура-патриотических настроений, который продлился с августа 1914 г. по весну 1915 г., пресса сосредоточилась на обосновании участия России в Первой мировой войне, справедливости войны со стороны России против стран Четверного союза, а также представления о том, что Германия и ее союзники не имеют необходимых ресурсов для длительного военного противостояния. Если в 1914 г. при создании «образа врага» главным объектом разоблачений был «германский милитаризм», а критика правительства Австро-Венгрии была несколько приглушена, то начиная с зимы–весны 1915 г. критика «австро-венгерских оккупантов» и политики австро-венгерского правительства в целом вышла на первый план.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, «образ врага», ура-патриотизм, национализм, Симбирск, Самара.

Abstract. The article discusses the problem of the formation of the “image of the enemy”, the German and the Austrian, during the First World War in the periodical press of the Russian Empire. In the early 20th century periodicals began to play an important role in social life. During the war, newspapers, magazines and leaflets became the main means of forming the “enemy image” and were used by the establishment, among other things, as a kind of a “fuse” against possible social unrest and upheavals. The Russian authorities and the mass media affiliated with them tried to represent the enemy as adversely as possible. In 1914–1918 a huge number of periodicals in the Russian provinces published materials aimed at demonizing and dehumanizing the enemy. This article analyzes the methods of creating the “enemy image” in the periodical press, and reveals the role of Simbirsk and Samara newspapers and magazines in the formation of a negative perception of Germans (including those from Russia) among the common folk. The article investigates periodicals which were published in the initial period of the war, in 1914–1915. The authors show the concrete examples of the information outreach of the periodical press in the conditions of international upheavals. During the period of jingoism which swept the general public, lasting from August 1914 to the spring of 1915, the press focused on justifying Russia’s participation in the First World War, the righteousness of Russia’s war against the countries of the Quadruple Alliance, as well as the idea of the fact that the Germany and its allies did not have the necessary resources for a long military confrontation. In 1914, when creating the “enemy image”, the main object of debunking was “German militarism”, while the criticism of the government of Austria-Hungary was somewhat muffled. However, starting from the winter–spring of 1915, criticism of the “Austro-Hungarian invaders” and the policy of the Austro-Hungarian government as a whole came to the fore.

Keywords: World War I, periodicals, “enemy image”, jingoism, nationalism, Simbirsk, Samara.

После 1905 г. в провинции происходил значительный рост количества периодических изданий, но при этом сохранялся цензурный контроль. В преддверии войны, в июле 1914 г., была введена военная цензура, что резко ограничило публикации, в которых ранее могла звучать критика власти и армии, в то же время поощрялись печатные материалы, разоблачавшие агрессивность Германии и ее союзников. Однако до конца осени 1914 г. критика российских немцев запрещалась. Об этом свидетельствует, в частности, закрытие властями № 204 «Сызранского курьера», в котором подданного Российской империи немца Карла Кезлера обвинили в избиении русского мальчика¹. Кезлера оправдали, а корреспондента данного материала наказали. Антинемецкая враждебность начинает нарастать с поражениями русской армии в конце 1914 — начале 1915 гг., когда санкции властей даже в защиту «внутренних» немцев уже не работали.

В условиях военного времени печатные издания стали главным источником, формирующим мировоззрение общества в целом и отдельных его представителей в частности. Прекрасно осознавая это, российское правительство на протяжении 1914–1917 гг. постоянно следило за печатью, пытаясь направить ее содержание в правильное, с точки зрения власти, русло, формировать у российского общества патриотические настроения и ненависть к врагу, вплоть до ненависти к представителям народов, ассоциирующихся с враждебными государствами.

Во время Первой мировой войны в российском обществе широко распространились «шовинизм и панславизм». Они откровенно насаждались печатными изданиями, которые представляли немцев, австрийцев, венгров, турок в качестве «зверей и варваров», что вело к созданию стереотипов у российского населения: «немец и “австрияк” — враги», «француз — друг». Следует подчеркнуть, что в средствах массовой информации война практически сразу стала трактоваться не как очередной конфликт между великими державами, а как принципиальное противостояние цивилизации и варварства, добра и зла.

В основу данной статьи был положен анализ провинциальных — симбирских и самарских — периодических изданий. Эти издания, в основном правительственной ориентации, были рассчитаны на подготовленного, относительно образованного читателя.

В период войны в Симбирске самой читаемой газетой были «Симбирские губернские ведомости». «Симбирские епархиальные

¹ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 69–72.

ведомости», журнал местной епархии Русской Православной церкви, выходил 24 раза в год с 1 января 1876 по 1917 г. С августа 1914 г. православная печать сразу выступила с патриотических позиций, помещала пространные комментарии, посвященные тем или иным военным событиям.

Еще одним заметным изданием был «Симбирянин», ежедневная политическая газета, издававшаяся на частные средства в Симбирске с 1906 по 1917 г., она придерживалась право-монархического направления, поддерживая партии октябристов и националистов. Во время войны нередко размещала всевозможные политические обзоры, посвященные событиям как на фронте, так и в тылу. Влиятельной была ежедневная газета «Волжские вести», делившаяся между местными организациями кадетов и эсеров. Во время Первой мировой войны газета сохраняла левые позиции и по взглядам была ближе к тем гражданам, которые выступали за «защиту Отечества».

В Сызрани, крупном городе Симбирской губернии, во время войны освещением политических событий активно занимался «Сызранский Курьер», ежедневная газета кадетско-октябристского направления, выходившая в под руководством Н.И. Батракова и Б.Ю. Дяткова с 1912 по июнь 1917 г. В 1915 г. выходила «Сызранская молва», общественно-политическая газета под редакцией А.С. Дяткова. Также в 1915–1916 гг. издавалась газета «Сызранские вести». Уже во время войны появились «Сызранское слово» и «Эхо Сызрани». Все они помещали на своих страницах пространные политические комментарии.

В Самаре во время войны одной из самых крупных газет можно назвать «Волжский день», ежедневный общественно-политический орган печати кадетского направления, который уделял значительное внимание военным действиям и вопросам, связанным с организацией тыла. Газета выступала за «войну до победного конца» и в поддержку правительства. Серьезные политические обзоры помещались в таких изданиях, как «Волжский край» и «Волжское слово». Обе газеты также безоговорочно поддерживали правительство. Как неоднократно заявляла редколлегия, газета «Голос Самары» стремилась способствовать мирному всестороннему развитию края и Родины, бороться со всеми проявлениями анархии, отстаивать перед правительством нужды самарского края, давать правдивую и оперативную информацию о событиях в России и за границей. Во время войны она регулярно освящала события на фронте.

Имелся и ряд оппозиционных газет. В их числе можно назвать издаваемый в Самаре «Городской вестник», газету эсеровского направления, выходившую с 1907 по 1918 г. Она выражала позиции

Самарской городской думы и освещала проблемы фронта, городского самоуправления, местной жизни, зарубежные и общероссийские вопросы.

В статье были использованы фонды государственных архивов Ульяновской области (до 1924 г. — Симбирской губернии) и государственных архивов Самарской губернии.

Можно утверждать, что редакционную политику периодической печати в годы Первой мировой войны определяла не только сама ситуация военного времени, но общественно-политическая обстановка в центре и в провинции. Авторы многих исследований, изданных в России и отражающих состояние общества и прессы периода 1914–1918 гг., обращаются преимущественно к жизни в обеих столицах Российской империи — Санкт-Петербурге (с 1914 г. — Петрограде) и Москве². Положение дел в Российской провинции, на наш взгляд, освещено недостаточно, хотя и здесь также можно привести некоторые отечественные исследования³. Нельзя не выделить особо книгу Т. Филипповой и П. Баратова, близко соприкасающуюся с темой нашего исследования. В ней не только воссоздан процесс формирования и изменения «образа врага» в рассматриваемый период, но содержится ряд важнейших обобщений и принципиальных подходов⁴.

Развертывание антинемецкой и антиавстрийской пропаганды с началом Первой мировой войны представлялось совершенно не-

² *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975; *Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны* / Под ред. О.А. Ржешевского. М., 2008; *Ахмадулин Е.В.* Правительственная печать России (конец XIX века — февраль 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2000; *Белоусов С.В.* Первая мировая война через призму военной цензуры // *Исторические записки: межвуз. сб. науч. трудов.* Пенза, 2004. С. 151–166; *Ковалева А.С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // *Первая мировая война: история и психология: материалы Российской науч. конф.* / Под ред. В.И. Старцева, С.Н. Полторака, Л.Б. Борисковской и др. СПб.: Нестор, 1999. С. 101–108.

³ *Алехин Д.В.* Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 — февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; *Белова И.Б.* Первая мировая война в российской провинции. 1914 — февраль 1917. М., 2011; *Гатаулина Л.Р.* Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // *Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки.* 2008. Т. 150, кн. 1. С. 133–139; *Дённингхаус В.* Русские немцы: общественные настроения в Поволжье в период Первой мировой войны // *Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Герман.* Саратов, 2006. С. 176–186; *Ефимов Ю.Д.* Симбирск в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова. Самара: Самарское книжное изд-во; Ульяновск: Артишок, 2006; *Кабытова Н.Н.* Власть и общество в российской провинции в революции 1917 г. Самара, 2002.

⁴ *Филиппова Т., Баратов П.* «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М., 2014.

обходимым для мобилизации общественного сознания. Тем не менее со временем ее характер и «язык» претерпели существенные изменения. Так, по мнению А.С. Ковалевой, в ходе войны социальное и материальное положение населения страны значительно ухудшилось, а «патриотические чувства народа» были «задушены» социальным фактором, к концу 1916 г. патриотические настроения стали эволюционировать в сторону пацифизма, стремления к миру и даже в «революционное пораженчество»⁵. Эту точку зрения поддерживает и тамбовский исследователь Д.В. Алехин⁶. Для нас эти подходы являются значимыми в связи с тем, что Тамбовская губерния географически расположена недалеко от Самарской и Симбирской губерний и тамошние настроения во многом схожи с настроениями симбирцев и самарцев. Названный автор в своем исследовании объяснял причины негативного отношения населения к власти, с одной стороны, апатией, а с другой — ростом оппозиционных, антиправительственных настроений. Он также полагал, что произошел разрыв между пониманием патриотизма в правительственных кругах и у простых обывателей.

Правительство видело и понимало всю опасность этих настроений и стремилось их побороть при помощи антинемецкой и антиавстрийской пропаганды, в том числе и на страницах лояльных газет и журналов. Исследовательница Е.Д. Борщуклова отмечала, что правительство, понимая причины недовольства, роста оппозиционности, направляло усилия средств массовой информации на воздействие на население⁷.

Одни газеты работали на те слои населения, которые самодержавное правительство считало своей опорой. Среди них были мелкие предприниматели, часть крупного и среднего грюндерства, богатые крестьяне, городская и сельская интеллигенция. Газеты стремились формировать и поддерживать у них верноподданические чувства, лояльность по отношению к государству, императору и членам его семьи. Именно эти, материально обеспеченные слои населения, извлекавшие выгоду из продолжающейся войны, были носителями патриотизма, что подтверждает исследование Е.Д. Борщукловой⁸.

Другим немаловажным фактором, определявшим информационную политику правительства, было постоянное ухудшение ма-

⁵ Ковалева А.С. Указ. соч. С. 108.

⁶ Алехин Д.В. Указ. соч.

⁷ Борщуклова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 13, 24.

⁸ Там же. С. 25.

териального положения большинства представителей сельского и городского населения, на которых пришлись основные трудности военного времени.

Так, в Симбирской губернии губернское жандармское управление в рапорте № 551 от 28 октября 1915 г., поданном на имя губернатора, проинформировало его, что дороговизна продуктов для населения — самая большая проблема, вызывающая повсеместное недовольство⁹. Да и сам губернатор А.А. Ключарев понимал это, когда на одном из совещаний подчеркнул, что недовольство народа из-за отсутствия в должном объеме продовольствия и высокие цены на него — «дело чрезвычайно опасное и возбудимое». Не полагаясь на свои возможности миром уладить будущие социальные конфликты, он открыто говорил о том, что всегда нужно иметь под рукой «достаточную военную силу для подавления возможных протестов»¹⁰. Буинский (Буинск — город в Симбирской губернии) жандармейстер В.В. Петров в рапорте за январь 1917 г. сообщал, что население крайне недовольно дороговизной продуктов и «удивляется, почему правительство не может решить эту проблему»¹¹.

Похожая ситуация сложилась и в Самарской губернии. К осени 1915 г. начальник Самарского губернского жандармского управления характеризовал ее так: «...Повышение цен на предметы первой необходимости... является главным фактором неудовольствия среди населения, доходящим чуть ли не до повсеместного ропота и до обвинения местной администрации в попустительстве всем этим... антипатриотам»¹². Причем, в Самарской губернии, в г. Покровске население неоднократно шло на противоборство с силовиками из-за повышения розничных цен на сахар. Силовые акции по отношению к властям имели место в таких городах Самарской губернии, как Сергиевск¹³, Николаевск, Балаково¹⁴.

Крайнее недовольство у населения вызывало отсутствие печеного хлеба, муки, перебои с поставками мясных продуктов. Именно эти причины были названы Сызранским полицмейстером И. Григорьевым как повод для массовых погромов продовольственных лавок и магазинов в этом городе¹⁵.

⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 69–72.

¹⁰ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1495. Л. 1–13.

¹¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1386. Л. 5.

¹² Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 42об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 293. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2222. Л. 1.

Таким образом, не только военные неудачи, но и тяжелое социальное положение населения в приволжских губерниях, вызывавшее все большее недовольство населения, способствовали нагнетанию в местной прессе ужаса и отвращения по отношению к «зверствам» германских и австро-венгерских оккупантов.

Сразу после начала войны симбирские и самарские газеты были заняты обоснованием участия России и ее союзников в вооруженном конфликте, доказательством справедливости их «дела». Журналисты всячески обыгрывали тот факт, что формально именно Германия выступила в качестве агрессора, и это делало несомненным легитимность войны в глазах общественного мнения страны.

Тем не менее в первые дни войны по отношению к германцам и австро-венграм преобладал сравнительно спокойный тон. Многие газетчики восприняли войну как «досадное недоразумение», полагая, что «все разберутся» и братоубийственная война быстро закончится. Так, в Симбирске «Волжские вести» в статье «К воссоединению Галиции» сообщают: «...австрийская власть при всех ее недостатках проявляла полное уважение к национальному языку галицийских украинцев». В «Рассказе немецкого улана» повествуется, как пленный германский кавалерист, сочувствующий рабочим, выражает убеждение, что вина лежит лишь на его правительстве. «Я не знаю, кто первый объявил войну — Россия или Германия, но я глубоко убежден, что в европейской войне виновен Вильгельм и его приспешники»¹⁶.

Работа по формированию общественного мнения первоначально строилась на утверждениях, что Германия и ее союзники, Австро-Венгрия и Османская империя не имеют необходимых ресурсов, чтобы вести длительную войну против Антанты. В «Волжских вестях» изо дня в день в августе–сентябре 1914 г. публиковались статьи о том, что германские и австро-венгерские войска на фронте «постоянно отступают», «несут огромные потери». Наиболее типичные материалы подобного ряда вышли, например, в газете «Волжские вести» 31 августа 1914 г.¹⁷ Еще 5 августа 1914 г. «Волжские вести», цитируя слова английского лорда Берендмдорфа, назвали статью «Война закончится в Берлине». А 4 сентября в тех же «Волжских вестях» появилась тенденциозная статья «Поражение Австрии», где авторы убеждали своих читателей в неминуемом разгроме Австро-Венгрии, предрекая срок от нескольких недель до нескольких месяцев¹⁸. Эти статьи конца августа — начала сентября отражали ура-патриоти-

¹⁶ Волжские вести. 1914. № 1576. 4 сен. С. 2.

¹⁷ Там же. № 1573. 31 авг. С. 2.

¹⁸ Там же. № 1576. 4 сен. С. 1.

ческие настроения большинства граждан страны, которые ждали разгрома Германии и ее союзников со дня на день¹⁹. Интересно, что многие авторы при этом ссылались на мнение германского канцлера О. Бисмарка, который считал войну с Россией «чистым безумием»²⁰.

В качестве злобных врагов, «варварских королей, готовых растерзать беззащитную Россию», фигурировали пока лишь руководители Германии и Австро-Венгрии. Образцом подобного материала может служить статья «Лживость австрийских извещений»²¹. Эта статья рассказывает «о мнимых австрийских победах, которая австро-венгерский генеральный штаб рассылает через посредство “агентства Вольфа”». Более того, некто С. Петр в статье «Настроение в Германии» повествует про германского кайзера «уверенного в “правоте” германского дела и “культурной миссии” Пруссии на Восток, сообщаемый о “зверствах”, совершаемых всем миром, кроме германцев: русскими, французами, бельгийцами, англичанами». «Кайзер стукнув кулаком по пюпитру, завопил на весь зал: “Und nur werden wir sie drescssen” (А теперь мы их будем молотить) ... положив руку на рукоятку своего меча, Вильгельм заявил: “25 лет я держал этот меч в ножнах. Ныне я его вынимаю!” И, вынув меч и потрясая им над исступленной толпой, кайзер поклялся, что не вложит меча своего в ножны, прежде чем не сокрушит “варваров”, т.е. Россию и ее союзников»²².

Объектом осуждения является пока не немецкий народ, но «пруссский и австрийский милитаризм». Так, некто Р. Чубин в газете «Симбирянин» в статье «Пруссак и немец», полностью возлагая вину за развязывание мировой войны на Пруссию и Австро-Венгрию, делит Германию на «Германию Гейне и Бёрне» — и «прусскую феодальную Германию», в которой «видели... очаг средневековья, место, где сохранились идеалы старонемецкого феодализма»²³.

В другой статье тот же автор ассоциирует средневековый немецкий романтизм с чем-то темным, невежественным и грубым. В ход идут легендарные образы Фридриха Барбароссы и немецкого рыцарства, которые, как «путеводная звезда для всех пруссаков, стремившихся перевести в эпоху дух немецкого рыцарства», немцы представляются грубой силой. «Пруссак и Пруссия» превращаются в болезнь «гангренозную, пропитанную прусской заразой», распространившуюся по всей Германии, «создав одну Германскую

¹⁹ Там же. № 1573. 31 авг. С. 2.

²⁰ Там же. № 1576. 4 сен. С. 3.

²¹ Там же. № 1573. 31 авг. С. 3.

²² Там же. № 1576. 4 сен. С. 1.

²³ Симбирянин. 1914. № 2182. 9 ноя. С. 2.

империю»²⁴. Но появляются здесь и новые мотивы — образы немецких обывателей, «Фрица» и «штопальщицы-немки», которые восхищаются немецкой воинственностью и могуществом германского флота: «В душе такого обывателя тевтонского давно сложилось состояние умиленности перед немецким кулаком... а кулак — это источник его экзальтированного вдохновения». Про немецкий патриотизм автор пишет, что это не просто любовь к родине, а «жажда перенести в современность психологию средневековой кольчуги, разумеется, на какой-нибудь модернизированный лад». И эта жажда не столько результат, навеянный историей, легендарными сказками, «сколько происхождения биологического, расового»²⁵.

Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников низменными и корыстными, российская пропаганда закладывала в сознание народа «образ врага», воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психологическая установка «свой–чужой» в кризисный период обостряется до предела. Надо сказать, что поначалу антинемецкие массовые настроения даже «обгоняли» в своем радикализме установки массовой пропаганды. Пресса вслед за разразившимися немецкими погромами стала обвинять австро-венгерских и немецких подданных, проживавших в России, в «антигосударственной деятельности» и шпионаже, требовать их выселения и применения к ним репрессивных мер.

В течение 1915 г., когда на место «ура-патриотизма» у значительной части населения страны стала приходиться усталость, разочарование, недовольство тяготами продолжающейся войны, пресса сменила тактику воздействия на население. К тому же появились реальные факты военных преступлений противника, которые и стали — вместо абстрактных, безликих обвинений «австро-венгерского и германского милитаризма» — основой для конструирования «образа врага».

Самарский «Волжский день» помещает гневную публикацию по поводу потопления немцами английского пассажирского лайнера «Лузитания». Она представляет собой перепечатку статьи Ф. Кокошкина в «Русских Ведомостях» под заглавием «Холодное чудовище», где давалась такая оценка воинствующему германизму: «...воинствующий германизм похож на пушку. Это — чудовищная, бездушная и в своем бездушии более чем человек, свирепая машина, сорвавшаяся с правовых и моральных скреп. Собака — “сорвавшаяся с цепи”».

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 4.

Это — то самое холодное из всех холодных чудовищ, о котором с ужасом и отвращением говорил Ницше. Пусть же сомкнутся еще плотнее против “холодного чудовища” человеческие силы и человеческое мужество с твердой верой, что в борьбе людей со страшной машиной победить должны, в конце концов, настоящие люди. <...> Когда пишутся эти строки, еще не имеется достаточно полных сведений о том, как встретили сообщение о потоплении “Лузитании” другие нейтральные страны. Но нельзя сомневаться, что ни одна из них не останется равнодушной к новому варварству Германии, на это, Бог даст, откроет им глаза и он с мечом в руках присоединится к союзным странам, в кровавой борьбе с немцами, отстаивая интересы права, культуры и человечности»²⁶.

Периодическая печать в 1915 г., когда Россия потерпела несколько серьезных поражений на фронте, стремится представить максимально «чудовищный образ» неприятеля. Немцы, австро-венгры, а также турки-османы изображались как варвары, чудовища, дикари, отрицалась сама принадлежность их к «культурному миру», и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевали обе воюющие стороны. Обращение к образу варвара было присуще всей колониальной эпохе, с ее открытием новых земель и покорением туземцев, тем более это ярко проявилось в Первой мировой войне. Воюющие блоки обвиняли друг друга во взаимной «варваризации». Статья автора Петра Ф. в газете «Симбирянин» под названием «Варварство немцев» сообщает, что немцы не пощадили знаменитую скульптурную группу «Путь на Голгофу», находившуюся в церкви «Сердце Иисуса» в Тюрну (Бельгия). «Немцы отослали эту группу в Германию, и медь, из которой она сделана, в скором времени пойдет на изготовление немецких снарядов»²⁷. В статье «Обычные немецкие гадости» сообщается, что, «... естественно, вся клевета принадлежит немцам». «Неизвестными раздается по домам памфлет, содержащий гнусные надругательства над главой государства и правительства, также возмутительнейшие клеветнические наветы и антипатриотические инсинуации. Правительство сообщает, что открыто следствие для обнаружения виновных соучастников преступления, являющегося, несомненно, делом германских рук. Виновные будут наказаны по всей строгости закона...»²⁸.

В периодической печати Симбирской губернии встречаются материалы, в которых рассказывалось о «зверствах» австро-венгерских и германских войск. Подобные статьи публиковались ча-

²⁶ Волжский день. 1915. № 1689. 29 апр. С. 3.

²⁷ Симбирянин. 1915. № 2831. 13 апр. С. 2.

²⁸ Там же.

сто. Материалы, опубликованные в газете «Симбирянин» 15 апреля 1915 г. под названием «К немецким и австрийским зверствам», сообщают, что германцы часто добивали русских раненных на полях сражений. Гнусный характер этих преступлений осложняется во многих случаях ужасным надругательством. Авторами приводится пример, когда 16 августа во Фридланде были найдены тела двух кирасирских офицеров с выколотыми глазами. Германские санитары также проявили в нескольких случаях подобную жестокость, расстреливая русских раненых. Иногда русские пленные расстреливались германскими и австрийскими войсками. Сообщается о фактах расправ с особой жестокостью над пленными казаками. Авторы статьи приводят в качестве примера приказ командира эскадрона кирасирского полка фон-Модеатского, приказавшего вешать всех пленных казаков²⁹.

Приводится рассказ польских крестьян о том, как один казак был сожжен живьем 13 сентября в д. Саянки Сувалкской губернии. Перечисляются различные другие случаи расстрелов и повешения казаков. Говорится о том, что жители германских городов нападали на русские войска, стреляя по ним из окон и с крыш. Авторы убеждают своих читателей в том, что поведение германцев и австрийцев в занятой ими местности по отношению к гражданскому русскому населению противоречит Гаагской конвенции 1907 г. (Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны). Говорится о том, что прусский комендант Калиша Прейскер 22 июля расстрелял нескольких жителей из «побуждения самого гнусного характера». Рассказывается о том, что 27 июля пруссаки убили стражника Абакумова, сломали ему руку, распорили живот. Констатировано неоднократное применение австрийцами разрывных пуль³⁰.

Протест против варварского нарушения австро-венграми международного соглашения опубликован в «Волжских вестях» в виде статьи «Австрийцы применяют разрывные пули»³¹. Рассказы о замученных священниках, разрушенных и разграбленных церквях особенно подчеркивают «бесчеловечность» германцев во время войны. Приводится пример, когда «...31 июля два прусских драгуна убили католического священника в деревне Словики, сувалкской губ., предварительно жестоко измучив и надругавшись». Рассказывается о том, что в середине августа австрийцы в д. Маково и д. Шатава Подольской губернии, изнасиловали множество женщин и девушек,

²⁹ Там же. № 2833. 15 апр. С. 3.

³⁰ Там же. С. 2.

³¹ Волжские вести. 1914. № 1573. 31 авг. С. 3.

угрожали и мучили население, в особенности священников. В ноте говорится о православных и католических церквях в городах Граево, Красная Тополяе, Конске, Кельце, «оскверненных и ограбленных германскими и австрийскими войсками». Писалось о том, что германские и австрийские войска не считаются с Женевской конвенцией³².

Похожая ситуация описывается в Самарской газете «Волжский день» в статье «Зверства германцев». По сообщению двух голландских журналистов, баварские полки принца Рупрехта получили приказание «не брать англичан в плен; солдаты, нарушающие приказ, подвергаются строгим наказаниям. Взятые в плен англичане не отсылались в Германию, но со связанными руками и с завязанными глазами приводились в штаб, где под наблюдением расстреливались. Пленным не говорилось, что их расстреливают. Большинство были раненные»³³. Другая Самарская газета, «Волжское слово», в статье «Насилие австрийцев в Сербии» пишет, что «австриец — дикий завоеватель» — уничтожает имущество и убивает людей. Австрийцы вновь позволили себе всевозможные насилия над мирными жителями, часть которых либо увезли, либо убили. Всюду на своем пути неприятель оставил следы самых невероятных насилий³⁴.

Были случаи, когда реальная ситуация буквально переворачивалась с ног на голову. Газета «Волжский день» повествует, что в Германии, из-за венерических заболеваний в армии, доктор Нессер предлагает решительно всех женщин, подозреваемых в проституции, подвергнуть специальному энергичному лечению ртутью или новым препаратом Пауля Эрлиха (сальварсан) «606». Венерические болезни были общей для всех воюющих стран серьезной проблемой. Русская армия испытывала те же недуги, но периодическая печать, выходящая в тылу, убеждала массового читателя в том, что лишь немцы сталкиваются с данной проблемой.

Автор статьи «Смесь. Военно-научный радикализм» делает акцент на типичной особенности германского характера: «полное игнорирование личности и пренебрежение, в видах достижения цели, какими бы то ни было соображениями, кроме чисто утилитарных». В статье личность доктора Нейссера, как в «микрокосмосе», отражается «вся психология Германии как государства, и большинства ее граждан»³⁵.

³² Симбирянин. 1915. № 2833. 15 апр. С. 3.

³³ Волжский день. 1915. № 1715. 27 май. С. 2.

³⁴ Волжское слово. 1915. № 1894. 4 дек. С. 2.

³⁵ Волжский день. 1915. № 1890. 1 дек. С. 2.

Таким образом, объектом критики становятся именно «немец», «австрияк», особенности их национального характера, которые и расцениваются как подоплека австро-германской агрессии, жестокого и аморального поведения противника³⁶.

Следует отметить, что о зверствах врага писали как официальные губернские газеты, так и газеты партий кадетов, октябристов и социал-демократов. Здесь предпочтения как проправительственных, так и оппозиционных партий были одинаковы.

Так, октябристский «Голос Самары» в статье «Самара, 1 октября» сообщала, что Лейпцигский профессор Вильгельм Вундт, отражающий мнение «большого интеллигентного общества», в своей лекции о войне, предлагал передел Британских колоний и французских и русских территорий в Европе, взывая к «более справедливому распределению». Профессор опирался на «немецкую шовинистскую печать» и он будто не осведомлен об ужасах войны. И что он, якобы, оправдывает «немецких сестер милосердия, приканчивающих раненных “варваров”» (т.е. союзников). Говоря о разрушении немецкими войсками Лувена и Реймского собора, профессор подчеркивает «торжество «немецкой культуры» над «русским варварством», что также представляется лейпцигскому профессору совершенно «нормальным», равно как и прочный мир в Европе под благодетельной гегемонией Австро-Германии³⁷.

Какой посыл можно вынести из материалов этой статьи? Во-первых, читателя подводят к мысли о том, что идеология германского милитаризма охватила не только политиков и военных, но даже профессоров в вузах. Во-вторых, проводится мысль о том, что Австро-Венгрии отведена роль «европейского контролера» над европейскими делами под «эгидой» ее старшего партнера — Германии. В-третьих, подразумевается, что российские земли в случае проигрыша Российской империи в войне будут немедленно поделены между германскими и австро-венгерскими союзниками.

Безусловно, как и в любой воюющей стране, периодическая печать противопоставляла российскую нацию, как носителя самых лучших качеств, и враждебные — носительницы «грязного варварства», «тевтонского бахвальства» и жестокости. «Безжалостные варвары», «дикари», «невежды», «агрессоры» и «враги самой цивилизации» немцы противопоставлялись русской доброй, праведной душе.

Так, в газете «Симбирянин» мы видим прямую антитезу: «великодушные русских — бесчеловечность немцев». Статья «Наш край»

³⁶ См.: Филиппова Т., Баратов П. Указ. соч. С. 178.

³⁷ Голос Самары. 1914. № 210. 1 окт. С. 2.

повествовала об отношении к пленным австрийцам: «Пленные в деревне... Как-бы вы думали, читатель, — принимает ли их наше крестьянство? Как “врагов”? Отнюдь нет. Принимает с распростертыми объятиями?! Так, ...11 января в с. Паньшино, Сызранского уезда Симбирской губернии появилась партия пленных австрийцев около 300 человек. Обыватели села добровольно принимали по одному, а некоторые по два человека к себе по домам. Тем селянам, которым не досталось пленных австрийцев, — сильно сокрушались и просили друг у друга об уступках их, но получившие австрийца ни за что не хотели расставаться с ним. Вот она, незлобивость русской души! Вот оно русское добросердечие!...»³⁸.

Симбирская и Самарская церковная печать также писала о блестящих русских воинах, сражающихся со «змеем» — тевтонским милитаризмом. Однако большинство ее сюжетов посвящены отношению священников к войне или говорят о случаях надругательства германских и австро-венгерских «оккупантов» над священнослужителями и их «паствой». Так, «Епархиальные ведомости» Симбирска передают доблесть русской армии, бойцы которой спасли польского священника. Сообщается о том, что «... ксендза австрийцы избили. Они к нему обратились за хлебом, а он хлеба им не дал, очевидно, не сочувствуя “мядьярам”. Священник, якобы, проникшись воззванием главнокомандующего русскими войскам в Польше, свою польскую паству настроил против немцев и австро-венгров. За это его жестоко избили и бросили в подвал, где он просидел до освобождения нашими войсками»³⁹.

Епархиальные ведомости рассматривали немцев как исконных врагов славян еще со времен Александра Невского и Германариха: «воюющие со Славянами с незапамятных времен, соперничающие с ними даже в мирное время»⁴⁰. В статье «Какое отношение настоящая война имеет к Церкви Божией?» говорится, что война «есть натиск вражеских сил против нашего Святого Православия»⁴¹, т.е. это сражение за Веру, за Церковь Божию. Немцы выступали как еретики (лютеране, штундеры, баптисты), смущающие русский народ. Безапелляционно говорилось о том, что «...лютеровая ересь... как сорная трава, проросла уже между чистою пшеницею Православия»⁴². То есть можно сказать, что помимо «патриотических» задач по мобилизацию на «священную войну до победно-

³⁸ Симбирянин. 1915. № 2833. 15 апр. С. 2.

³⁹ Симбирские Епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сен. С. 3.

⁴⁰ Там же. № 18. 15 сен. С. 860.

⁴¹ Там же. № 19. 1 окт. С. 765.

⁴² Там же. С. 760.

го конца», священники Русской Православной церкви пытались решать и свои конфессиональные задачи, стремясь предостеречь свою паству от «лютеранской ереси». «Образ врага» дополняла такая черта, как присущая ему вредоносная ересь.

Не во всей прессе шла «атака» на немецкий народ, в печатном органе Самарской управы «Городской вестник» в статье «Обзор печати» утверждалось, что «германский народ непричастен» к военной агрессии в Европе, в данном случае его роль — глубоко страдальческая: «народ промышленников и фабрикантов, ремесленников и рабочих, торговцев и коммивояжеров никогда не может стремиться к войне, даже победоносной. Но тут немцы вызывали на бой почти всю Европу, и как раз те страны, которые являются лучшими рынками для германской промышленности. Такая политика была бы безумием даже в случае военного успеха».

Нельзя не сказать, что помимо газет и журналов проправительственной ориентации, каковых было подавляющее большинство, были и периодические издания, которые выступили с критикой действий правительства России по вступлению в Первую мировую войну. Для социал-демократов, как известно, главный враг был не немец, а собственное правительство. Так, социал-демократическая редакция «Зари Поволжья» призывала к недопущению войны «под дружественным натиском рабочего класса всей Европы». Пораженчество, пропагандируемое самарскими и симбирскими большевиками, крайне негативно воспринималось местным населением, потому их идеи не имели влияния в рассматриваемый период. На страницах журнала «Заря Поволжья» большевики провозглашали, что в будущей общеевропейской войне русские рабочие могут рассчитывать на то, что «по ту сторону немецкой границы они имеют многомиллионную армию социал-демократических рабочих». 26 июля 1914 г. в статье «Рабочий класс и текущие события» утверждалось, что националисты и либералы всей Европы выступают за войну, с «духом национализма и шовинизма», вовлекая в нее рабочий класс⁴³. Сразу же после выхода этой публикации газета была закрыта.

На основе проведенного научного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, правительственная политика в отношении прессы в период войны (на примере двух российских губерний) заключалась в том, публикации в официозных газетах и журналах находились под контролем, им рекомендовались определенные темы и сюжеты.

⁴³ Заря Поволжья. 1914. № 27. 26 июля, С. 2–4.

Цензура, со своей стороны, зорко следила за направленностью публикаций. Те издания, которые пытались выступить с антивоенных (пацифистских) позиций, немедленно закрывались.

Во-вторых, редакционные коллегии местных газет чутко улавливали настроения масс. В период доминирования у широких слоев населения идей «ура-патриотизма», который продлился с августа 1914 г. по весну 1915 г., внимание читающей публики было сосредоточено в основном на обосновании участия России в Первой мировой войне, разоблачении агрессивных целей противника, а также создании четкого понимания того, что страны Четверного союза не имеют необходимых ресурсов для длительного военного противостояния с войсками Антанты.

В-третьих, анализ публикаций показал, что их тональность начинает меняться по мере затягивания военных действий, поражений русской армии, ухудшения социально-экономического положения местного населения. В этих условиях публицистическая деятельность от общеполитических рассуждений стала переориентироваться на создание в лице немцев и австро-венгров «образа врага».

В-третьих, мы обнаружили следующую тенденцию: если в 1914 г. главным объектом разоблачений был «германский милитаризм», политика кайзера, а критика правительства Австро-Венгрии была несколько приглушена, то начиная с зимы–весны 1915 г. критика «австро-венгерских оккупантов» и политики австро-венгерского правительства в целом вышла на первый план, в чем-то даже заслонила образ «германского врага». Это мы также связываем с неудачами российских войск в противоборстве с армией Австро-Венгрии в 1915 г.

В-четвертых, особой тональностью отличались публикации в церковной прессе, в которой акцентировалась такая особенность врага, как его приверженность тлетворной ереси.

В-пятых, играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели противников низменными и корыстными, российская пропаганда закладывала в массовое сознание народа «образ врага», воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Периодическая печать противопоставляла российскую нацию, как носителя «самых лучших качеств», и враждующую, как носительницу «грязного варварства», бесчеловечности и жестокости. Немцы и их союзники выступали не просто как агрессоры, а как «безжалостные дикари» и «враги самой цивилизации».

Список литературы

Алехин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 — февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2003. 266 с.

Ахмадулин Е.В. Правительственная печать России (конец XIX века — февраль 1917 г.). Ростов-на-Дону: Книга, 2000. 77 с.

Белова И.Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 — февраль 1917. М.: АИРО-XXI, 2011. 283 с.

Белоусов С.В. Первая мировая война через призму военной цензуры // Исторические записки: межвузовский сборник научных трудов. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2004. С. 151–166.

Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1975. 152 с.

Борщук Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2002. 165 с.

Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Под ред. О.А. Ржешевского. М.: Наука, 2008. 673 с.

Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 1. С. 133–139.

Дённингхаус В. Русские немцы: общественные настроения в Поволжье в период Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Герман. Саратов: Научная книга, 2006. С. 176–186.

Ефимов Ю.Д. Симбирск в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова. Самара: Самарское книжное издательство; Ульяновск: Артишок, 2006. 368 с.

Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции в революции 1917 г. Самара: Издательство Самарского университета, 2002. 324 с.

Китанина Т.М. К вопросу о проблемах изучения экономического положения России в период Первой мировой войны (мобилизация промышленной экономики) // Вестник Самарской государственной экономической академии. Специальный выпуск: Проблемы экономической истории России и ее регионов: современный взгляд / Отв. ред. Н.Ф. Тагирова. Самара, 2003. С. 89–96.

Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны //

Первая мировая война: история и психология: материалы Российской научной конференции / Под ред. В.И. Старцева, С.Н. Полторака, Л.Б. Борисковской и др. СПб.: Нестор, 1999. С. 101–108.

Филиппова Т., Баратов П. «Враги России»: образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.

Поступила в редакцию
13 февраля 2022 г.